





ЧЕЛОВЕКУ – НА ЗЕМЛЕ

СЕЛЬСКИЕ ПОЭМЫ
СЕРГЕЯ ВИКУЛОВА



Начиная свой творческий путь, а порой и долгие годы потом, уже добившись признания, художник не ведает своей судьбы, разве что глухо чувствует некое предопределение. А если бы знать? – ах, сколько опрометчивых поступков было бы не совершено, сколько «лишних» сочинений было бы не написано... Но жизнь – она всегда права, предоставляя всем смертным равные возможности осуществить себя в мире, не избавляя и от случайного, предостерегая против чрезмерного самомнения. И художник – сначала просто человек в его бытовой и общественной обыкновенности, а потом уже творческая личность. Будь иначе, творческому началу было бы не на чем реализоваться, – оно находит себя в человеческом, отчего именно гуманность и составляет достоинство искусства.

Читая и перечитывая стихи и поэмы Сергея Викулова, страстного публициста и полемиста, глубокого знатока деревенской жизни, думаешь не только о тех конкретных, порою даже утилитарных проблемах, которые он ставит дельно и профессионально. Невольно ходят и такие вот, в известной мере общие, соображения. Ведь начало пути С. Викулова в поэзии, казалось бы, ничего особенного не предвещало. Он и сам не проявлял самонадеянности, работал много и упорно, шел от провалов к маленьким удачам и снова к срыву. – тут можно было и разочароваться, бросить «баловство» стихами да другим, практическим делом заняться. А он, веря в свое дарование, практическим делом и занимался: изучал деревенские проблемы как экономист, как социолог, как историк, при этом искренне любя деревню, уважая ее стародавний уклад и ее скромных тружеников – крестьян.

Жил Сергей Викулов, как все люди живут, набираясь знаний и мастерства, обретая в опытах гражданскую зрелость, и произошло неиз-

бежное: живая поэтическая страсть преодолела и аккуратную осмотрительность, и косноязычие строки, – поэт родился. Он пришел к людям для того, чтобы сказать о мире, его породившем, чтобы поднять проблемы, гонявшие его из колхоза в колхоз, чтобы заразить людей неумной страстью, разгоревшейся там, под деревенскими крышами. Теперь-то он понял наконец, что деревня – она не глухой, отставший от века угол, она – исток всему, что ни есть дорогого для человека на земле...

В начале шестидесятых годов поэт с особенной настойчивостью обращается к фольклору – духовному наследию русского крестьянства, размышляет о его месте в жизни современной деревни и в культуре наших дней, ищет ниточку традиции. Раздумья эти нашли отражение и в стихах. Показательны в этом смысле стихотворения «Бабушкины песни» и «Русские сказки».

В первом случае – это рассказ о бытовании народной песни в крестьянской среде. Подчеркнуто обыденные детали обстановки (бабушка Алексеевна «входит в валенках со двора», «из подойника молоко льет в посудинки, дужкой брякая»), но песня возникает естественно, как бы рожденная самой этой обыденностью и освещающая ее поэтическим светом. Поэзия вырастает из быта, а мостиком между ними становится обращение, характерное для сказки своего рода припевка: «Под жужжанье веретена – прядись, ниточка, прядись, тонкая...». И вот «неспешная и негромкая» песня «выпрядается, бесконечная, вместе с ниткой из куделька». Песня эта, о княгине и Ваньке-ключнике, переживается бабушкой как нечто личное – в ней раздумье бабушки «о злосчастной своей судьбе».

Вот это личное, обнаруженное поэтом в народной песне, видит он и в сказках, хотя стихотворение о них написано совершенно иначе, в форме размышления, публицистически заостренного. В нем возникает обобщенный образ русского человека, внешне темного и забитого, но озорного, с бойким умом:

А он, дурак, был вовсе не дурак!
В своем углу, где крепок дух овчинный,
он хохотал над барами,
да так,
что тухли, в стенку воткнуты, лучины
и лопались застежки на портах!

Смелость ума, свойственную лучшим представителям народа в прошлом, наследовали люди современной колхозной деревни. В стихотворении «Есть у нас в селе Иван...» характер положительного героя сложился с большой отчетливостью. Бескорыстие, безоглядную прямооту ценит в нем поэт. Без таких любое собрание – «словно тесто затворили, а дрожжей не бросили», – потому что у многих еще в силе оглядка:

Нет чтоб встать да хоть раз
сказануть не в бровь, а в глаз,
вскрыть все неполадки.
Где там... Вдруг да не даст
бригадир лошадки.

Но «прения без шуму у нас-таки редки», – люди, подобные Ивану, становятся не одиночками. И это отмечает поэт как обнадеживающий момент в жизни деревни: крестьянин-хлебороб обретает собственный голос.

Серьезно размышляет С. Викулов о своей собственной причастности к судьбам крестьянства («Стихи мои о деревне...», «Своей тропинкой», «Моя родословная»). Личное начало, приглушенное в ранних стихах и поэмах С. Викулова, все более крепнет, набираясь сил в чувстве кровного единства с народом. К началу шестидесятих годов складывается четкая поэтическая система Сергея Викулова. Среди поэтов-современников нет другого, кто бы столь основательно знал проблемы развития села, как он. Поэт по свойски нашел ключ к характерам земляков из деревни; обращение к народному творчеству помогло увидеть и понять глубину души крестьянина. Этот же источник существенно обогатил его поэтический арсенал. И главное – сам поэт поверил своему личному опыту, понял, что у него за душой есть свое несказанное слово.

I

Исподволь накапливая деревенские впечатления и наблюдения, осваивая их в стихах и публицистике, Сергей Викулов готовил себя к большой работе. Здесь он шел в том направлении, что и вся советская поэзия, – в начале шестидесятих годов резко возрос интерес к жанру поэмы. Однако для С. Викулова это был собственный путь, и в выборе материала он остался верен себе. Деревенская жизнь, со всем тем новым, что тогда происходило в ней, открывала простор для самых широких обобщений.

Крупно и резко поставил С. Викулов наиболее актуальные для первой половины шестидесятих годов вопросы жизни современной колхозной деревни в поэмах «Окнами на зарю» и «Против неба на земле». Первая из них сразу встала в ряд заметных достижений советской поэзии в лиро-эпическом жанре. А большой успех – всегда испытание, для каждого поэта. Можно ли вновь подняться на взятую высоту? – такой тревожный вопрос долго не дает покоя. И Сергею Викулову после поэмы «Окнами на зарю» нелегко было сделать новый значительный шаг. Но и в следующей поэме, оставаясь верным действительности и своим убеждениям, он закономерно пришел к большой удаче.

Они очень разные, эти две поэмы. Если первая – это лирический монолог поэта-публициста, где жизненный материал пропущен сквозь призму характера лирического героя, то вторая – объективное пове-

Нет, жизнь меня не обделила,
Добром своим не обошла.
Всего с лихвой дано мне было
В дорогу – света и тепла,
И сказок в трепетную память,
И песен матери родной,
И старых праздников с попами,
И новых с музыкой иной.
(«За далью – даль»)

Сходство не удивительно: оба поэта пришли в большую литературу от одного начала, говоря словами Твардовского, «мы все – почти что поголовно – оттуда люди, от земли». Оба имели за плечами традиции народной крестьянской культуры, сложившейся в быту, отразившейся в устном поэтическом творчестве, в ремеслах и прикладном искусстве.

Чувства Видулова к деревне иногда противоречивы, но всегда согреты искренностью. И когда поэт не скрывает своей грусти об уходящей старой деревне, его не упрекаешь за это, а чувствуешь здесь особую искренность, непридуманность переживаний.

Эта прямота заставляет проникнуться уважением к рассказчику:

Не могу я,
по памяти, словно по луку, проходя,
наступать на цветы, не могу!

Пристрастность поэта оказывается условием его убедительности. Именно только тому, кто любит и помнит народные песни с мальчишеских лет, могут они припомниться так: «Как ливень в округе, из-под радуги ливень! И гром в вышине...». Или о разудалой пляске: «Коли бросило в круг, надо пол проломить, или о пол разбиться, или высечь огонь каблуком о каблук!». С восторгом вспоминает поэт деревенские праздники, когда «кони летели по кругу, пронося, словно радугу, полем дугу...».

Даже в этом:

Не умела деревня – характерец чертов! –
ни вполсил работнуть, ни вполгорла хлебнуть, –

слышится восхищение рассказчика. Есть в таком празднике силы – на работе ли, в гульбе – тот дух русской удалы, который восхищал и А. Твардовского:

Как дорог мне и люб до гроба
Тот дух, тот вызов удалой
В труде,
В страде,
В беде любой –
Тот горделивый жар особый,
Что – бить – так бей,
А петь – так пой...
(«За далью – даль»)

Конечно, далеко не во всем можно разделить восторги лирического героя викуловской поэмы, но понять его – можно. Ведь почти вся жизнь послеоктябрьской деревни протекала на его глазах, прошла сквозь его сердце. Отсюда страстная сыновняя заинтересованность в судьбе отчего дома.

В конце концов, не будущее устаревших обычаев тревожит С. Викулова в первую очередь, а судьба людей. Он, разумеется, ясно понимает, что «к старому нету возврата», – его любовь к деревне не слепа, но она проникнута ощущением родства прошлого и настоящего, как бы они между собой ни разнились. И не заклинание ретрограда, а выношенное убеждение, выстраданное признание звучит в обращении поэта к России:

...и когда я кричу,
что деревню люблю, – это значит, Россия,
я тебе в этом чувстве признаться хочу!

Ты иная сегодня. Ты в космос врубилась...
Но и громом ракетным встречая свой день,
я хотел бы, Россия, чтоб ты не забыла,
что когда-то ты вся началась с деревень.

Поэт выходит к читателю, в широкий мир полпредом лучших людей деревни. Это и дает ему право от их имени обращаться на «ты» к самой России, к каждому в России. Обращаться тогда, когда некуда ему деться «от зрелой памяти своей» (А. Твардовский). А память порою диктует горькие страницы и внушает острое чувство стыда, но и очищение несет, без которого нет веры в будущее. За Александром Твардовским – ему более других обязана советская поэзия наших дней раскованностью, прямою отношением к острым жизненным проблемам – ведет Сергея Викулова его гражданский темперамент.

...Сюжет поэмы несложен. Рассказчик везет сына в деревню, чтоб тот узнал наконец, что «заглавной фигурой у хлеба не пекарь, не короной увенчанный продавец». Поэт – свой человек в деревне: едет запросто, не в гости – гости летней деревне в тягость, – а покосить у родных. Чем он еще может им помочь! – привязанность рассказчика к своим сельским родственникам деятельна, и это не может не вызвать к нему симпатии. Но, разумеется, поездка в деревню – повод лишний раз увидеть, что там к чему сегодня, поразмышлять...

Поэт смело исследует историю становления колхозной деревни во всех противоречиях, которые раскрываются и в лирических отступлениях, и в рассказе о судьбах героев. Любовно рисует С. Викулов картины труда и быта. Живописны в поэме пейзажи. Память поэта сохранила многие приметы прошлого. И все это складывается в подвижную картину, создает впечатляющий образ деревни.

С. Викулов убежденно и страстно полемизирует с теми, кто не хочет замечать трудностей в современной деревне и кто смотрит на нее как

бы со стороны. А поэту тряская ухабистая дорога напоминает путь на Берлин – и не случайно! – «здесь бескровный, но яростный катится бой»:

...стучат молотки здесь у каждого дома,
и моторы дымят, и в ходу топоры...
Вот что значит деревня!
А вы мне: солома,
да коровы еще, да еще комары...
Здесь в безмолвных озёрах свирепствуют щуки,
обжирается спелой малиной медведь.

Взять корзину бы в руки! Но заняты руки:
осьпается рожь. И пшеница, как медь.
И «скрипит», припотев, допотопная бабка
на льняной полосе. Как-никак человек...
Вот что значит деревня!
А вы мне: рыбалка,
да с малиною чай, да на сене ночлег...

Здесь по три да четыре избы на посаде,
здесь по десять девчонок на парня в бригаде.
Здесь проблема разлуки да скуки сейчас
есть одна из великих проблем для девчат.
И не диво. До клуба порой от избушки
не дострелишь из пушки: и лес и ручей...
Вот что значит деревня!
А вы мне: частушки,
да любовные вздохи, да скрип дергачей...

Нету старой деревни! Кого нам обманывать?
Моргунка тоже нет. Уработался. Спит.
Нет! И строит деревня сегодня

все заново:

избы, клубы, дворы, психологию, быт.

Викулов отчетливо видит своего противника, человека с идиллическими представлениями о деревне, и знает, что им противопоставить. Конечно, есть и в деревне свои нехитрые радости. Но ведь от идиллии всегда очень недалеко до потребительского отношения к жизни, а оно поэта возмущает. Отсюда его наступательность, стремление сказать всю правду о деревне. Позиция поэта – позиция гражданина, сознающего свою ответственность за дела на земле, стремящегося в других пробудить эту ответственность.

Старой деревни больше нет. Нет в ней и того мятущегося мужичка-собственника, который гадал когда-то, быть ему в колхозе или не быть. Все это осталось, в прошлом, – иные явления определяют теперь судьбы села и крестьянства.

Облик современной деревни противоречив, и главное в ней – вот эта «стройка невидная», которая «в ряду тех, великих... есть великая самая»,

которой больше всего нужны рабочие руки, «молодые притом, и влюбленные в эту стройку», а «не только прорабы, да проекты, да планы».

Сергей Викулов явственно представляет всю грандиозность новой стройки в деревне и ее значение. Помочь этой стройке – его поэтическая задача. Поэтому нежелание видеть село реальным, как оно есть, во всей сложности, он расценивает как равнодушие, как нежелание участвовать в строительстве. Отсюда – полемическое начало в поэме. Поэт осмысливает прошлое, чтобы в стройке «заново» не повторить старых ошибок. Этим и определяется всепроникающий историзм произведения.

Интерес к истории – распространенное явление в поэзии конца пятидесятых – начала шестидесятых годов, и С. Викулов в своих исканиях идет в общем русле, находя самостоятельные пути и решения.

«Всеобщее стремление художественно осмыслить широкий круг жизненных явлений, показать действительность в ее сложности, в столкновениях и борьбе» считает Е. Осетров характерной особенностью поэзии начала шестидесятых годов. Это верно, однако в поэме поиски в этом направлении начались гораздо раньше.

Пятидесятые годы прошли под знаком такого крупнейшего произведения, публиковавшегося частями, как поэма «За далью – даль» (1950 – 1960) А. Твардовского. Тогда же появились поэмы «Середина века» (1943 – 1956) В. Луговского и «Признание в любви» (1952 – 1959) М. Луконина. Были известны читателю поэмы А. Прокофьева, В. Федорова, Я. Смелякова, Б. Ручьева и других. Много самобытных явлений в жанре поэмы появляется в шестидесятые годы. Удивительное многообразие принесли эти произведения в поэзию социалистического реализма.

Романтикой комсомольской юности пронизаны «Строгая любовь» (1955) Я. Смелякова и «Прощание с юностью» (1961) Б. Ручьева. Обращенные к минувшей войне «Кровь и пепел» (1963) Ю. Марцинкявичюса и «Суд памяти» (1962) Е. Исаева звучат как предостережение. При этом Марцинкявичюс ведет сюжетное повествование о горьком прошлом, о драматических судьбах жителей литовской деревни, а Исаев, напротив, идет от материала современности. В диалогах, которые он широко использует, обнажена борьба идей – отсюда полемическая заостренность его поэзии. Социально-философским характером отличаются поэмы «Проданная Венера» (1956) и «Седьмое небо» (1968) В. Федорова. К культурно-исторической тематике обращаются С. Наровчатов – «Василий Буслаев» (1960) и И. Драч – «Вишневы ветер» (1963). Оригинальные и многие другие поэмы, появившиеся в середине шестидесятых: «Против неба на земле» С. Викулова, «Чегемская поэма» К. Кулиева, «Обутленная граница» М. Луконина.

Разнообразны направления стиливых исканий в поэме. Интерес к конкретной бытовой детали проявляют Смеляков («Строгая любовь») и Ручьев («Любава»), переосмысливающие некоторые страницы нашего недавнего прошлого. Детализированным письмом, психологической

разработанностью характеров выделяются «Седьмое небо» В. Федорова, «Кровь и пепел» Ю. Марцинкявичюса. В свою очередь, есть в «Седьмом небе» и элементы условного, что сближает эту поэму с произведениями Исаева и Драча, в которых широко использованы фантастика, гротеск, символика.

При всей непохожести многочисленных поэм, созданных поэтами разных национальностей, очень рано с большой отчетливостью наметились и коренные черты сходства, которые не ушли от внимания критики. Одна из самых существенных особенностей – историзм. «Верность исторической правде, отсутствие желания как-то приукрасить и сгладить трудности и противоречия, с которыми пришлось столкнуться простому советскому человеку, – отличительные черты этих поэм», – замечает П. Выходцев, подчеркивая в них еще одну грань: «соотнесение рассказа о прошлом с насущными проблемами современности»¹. Отсюда критик выводит близость жанровых признаков, в частности то, что «основную композиционную нагрузку во всех этих поэмах несет личность поэта». Свообразно преломленные в творчестве лучших поэтов, эти качества, проявившиеся еще в предшествующем десятилетии, сохраняет и поэма шестидесятых годов.

В одних случаях обращение к прошлому служит непосредственно осмыслению исторических судеб народа – в поэмах Кулиева, Наровчатова, Драча. В других – например, у Исаева или Федорова – историзм является средством, инструментом исследования проблем современности. Обе эти тенденции имеют место и в тех произведениях, поэтическим материалом которых стала деревенская жизнь.

Впервые у нас в поэзии жизнь деревни в связи с историей всей страны предстала в поэме М. Луконина «Признание в любви». Как пояснил сам автор, «поэма эта – мое признание в любви к своей земле, к жизни, к Волге, к людям. В ней – долгий путь нашего народа к свободе. Это все пережитое мной, моим отцом и матерью, в ней опыт нашей жизни, все личное от самого детства». Связь с современностью в поэме – самая общая; по существу это произведение историческое. Аналогичный характер носит «взгляд из сегодня, попытка представить то время таким, каким оно было на самом деле»², в поэме о коллективизации А. Поперечного «Черный хлеб», по своему значению, конечно, куда более скромной, чем «Признание в любви».

К изображению деревенской жизни нередко обращается В. Цыбин, но единство истории и современности ему не дается. Уже в первой его книге «Родительница-степь» (1958) опубликована поэма «Бабье лето», на уозсть взгляда в которой повлияла временная замкнутость. В другой своей поэме – «Две крови» (1962) – В. Цыбин обращается к коллективизации. Близость к поэтике Павла Васильева – пластика стиха и психология характеров – помогла изобразить накал классовой борьбы в деревне. Но и у Цыбина тот же взгляд из настоящего в про-

¹ Выходцев П. О времени и о себе. – «Нева», 1961, №3, с. 188-190.

² Красухин Г. Поэмы последних лет. М., 1964, с. 26.

шное, что у Луконина и Поперечного. Обратной проекции – на современность с учетом исторического опыта – в поэме «Две крови» нет.

Взаимопроникновение времен – характернейшая особенность поэмы А. Твардовского «За далью – даль», непосредственно проявившаяся в главе «Две кузницы», но и не только. «Поэт выносит в своем сердце определенное представление о будущем, будет на наших глазах допрашивать прошлое и искать доказательств в настоящем»¹, – писал А. Макаров по поводу поэмы Твардовского, перефразируя слова Белинского. Путешествие по дорогам России не завело поэта в деревню, – туда он обращается только горькой памятью.

Трудности пути, пройденного страной, более всего сказались на деревне. Это выразил А. Твардовский «в символическом образе тетки Дарьи, олицетворении народных бед и долготерпения», – отмечал В. Гусев, подчеркивая, что «образ дается лирически», что «перед нами не портрет, а настороженный, открытый трепет «авторского чувства»². Обращаясь к другу «пастушеского детства и трудных юношеских дней», поэт говорит о послевоенных годах, о грандиозном размахе «вселенской» наметки. И вспоминая тут же «смоленский, забытый им и богом, женский, послевоенный вдовый край», о своей невысказанной боли говорит поэт:

И я за дальней звонкой далью,
Наедине с самим собой,
Я всюду видел тетку Дарью
На нашей родине с тобой;

С ее терпеньем безнадежным,
С ее избою без сеней,
И трудоднем пустопорожним,
И трудночью – не полной;

С ее дурным озимым клином
На этих сотках под окном;
И на печи ее овином,
И среди избы гумном;

И ступой – мельницей домашней –
Никак, из древности седой;
Со всей бедой –
Войной вчерашней
И тяжелой нынешней бедой.

В силу замысла своей поэмы А. Твардовский оказался далеко от деревни. Он не ставил цели детально разобраться, что довело тетку Дарью до жизни такой, – он дал один, общий ответ. Но опыт «Страны Муравии» и других произведений Твардовского о «великом перело-

¹ Макаров А. Идущим вослед. М., 1969, с.87.

² Гусев В. В середине века. М., 1967, с. 239-240.

ме» в деревне не был забыт поэтами. На одну из особенностей лирики Твардовского указывает В. Дементьев. «Чувства людей сельского мира, переживших всемирно-исторический процесс ломки прежних устоев, мучительно трудное вызревание нового общественного уклада, – пишет он, – сильнее оттенялись эмоциональной памятью человека, запахами, звуками, красками деревенского детства»¹. Это открытие поэта нашло продолжателей в лице едва ли не всех тех поэтов, кто на рубеже пятидесятих – шестидесятих годов обратился так или иначе к теме коллективизации, в том числе – Кулемина и Викулова.

«Противоречия времени пропущены в поэме через судьбу героя, через личность автора»², – замечает М. Синельников по поводу поэмы Василия Кулемина «Отец» (1962). Образ лирического героя, человека, лично причастного к судьбам деревни с детства до последних дней, преломляет все события и в поэме Викулова. И не только это сближает Викулова и Кулемина с Твардовским. Оба поэта творчески восприняли опыт его работы над произведениями о коллективизации, усвоив достижения большого мастера в сочетании с той высокой гражданственностью и партийной взыскательностью, которые проявились в поэме «За далью – даль».

Жизнь села находится в центре внимания в поэме В. Кулемина «Отец», «лирически нежной и вместе с тем мужественной по силе и остроте заключенной в ней большой суровой правды»³, и поэме С. Викулова «Окнами на зарю». Разумеется, нет в этих произведениях тех масштабов, что у А. Твардовского, но есть скрупулезнейшее исследование деревенских проблем. Их видят оба поэта не изолированными, а во взаимосвязи, и потому добиваются объективности в изображении жизни. Обратились они и к опыту таких людей, как тетка Дарья, чьи ответы на любой вопрос, по словам Твардовского, «всего ценней». Все это и позволяет утверждать, что именно Кулемин, несмотря на определенные различия, Викулову ближе других поэтов по характеру историзма.

Сергей Викулов к истории становления колхозной деревни обратился не впервые. Еще в 1957 году написал он поэму «Конек на крыше», рассказывающую о пути мужика в колхоз. Поэту было важно самому понять значение этой вехи в истории русского крестьянства и в ту пору, когда колхозы переживали трудный период своего развития, убедить читателя в жизненности колхозного строя. А многие – в первую очередь сами колхозники, хотя и далеко не все, – голосовали тогда против колхозов: заколачивали окна и двери своих домов и уезжали «на сторону».

Думается, поэту удалось в какой-то мере решить тогда поставленную задачу, потому что шел он от жизни, а не от умозрительных кон-

¹ Дементьев В. Насущный хлеб поэта – слово. – «Наш современник», 1972, №2, с.116.

² Синельников М. Под голубым шатром России. – «Москва», 1967, №12, с.206.

³ Алексеев М. Однополчане. М., 1967, с. 190.

цепщей, и в жизни крестьянина – за сцеплениями, связями отдельных частных фактов и явлений – стремился увидеть существенное.

Конек на крыше, по меткому определению поэта, это –

...идол крестьянской удачи –
И вера, и бог мужика.

Викулов, хорошо чувствуя поэзию деревенского быта, находит в коньке ту сквозную деталь-образ произведения, через которую передает особенности переломного момента в жизни крестьянина.

От детали-символа идет поэт к историческому обобщению. Используя двуплановость, которая реально заключена в этом образе, рожденном народной фантазией, Викулов плавно переводит действие на конкретную почву крестьянской жизни. Мужик и конь рисуются в бытовых, реалистически определенных подробностях, но тем не менее это образы обобщенные, сознательно лишенные поэтом индивидуальности: его интересовало главное – судьбы крестьянства в коллективизации. Ведь без предыстории нынешнего колхозника сегодняшних его судеб не уяснить. И очень правомерно в книге «Хлеб да соль» (М., 1965) обе поэмы встали рядом: одна по-своему дополняет и продолжает другую, и обе объединены идеей утверждения колхозного строя. «Конек на крыше» – это и предыстория поэмы «Окнами на зарю».

Обращаясь в прошлое этой своей поэмой, Сергей Викулов ищет те причины, которыми порождены трудности в деревне, в результате которых произошло отчуждение крестьянина от земли. Думается, неправ был один из критиков, когда утверждал, что «Викулов иногда упрощенно решает вопрос о виновниках упадка хозяйства колхоза»¹, якобы сваливая всю вину на председателя Степана да уполномоченных. Нет, как мы увидим позже, С. Викулов в своей поэме вскрывает целый комплекс взаимообусловленных причин отсталости деревни.

Поэт не скрывает личной заинтересованности. Ведь оставил деревню и отец его, исконный землепашец. Размышляя, автор обращается к земле как к существу одушевленному:

Он ли, пахарь, тебя разлюбил, обленясь,
ты ль над ним вековую утратила власть, –
неизвестно. Но ясно: какая-то жила
между ним и тобой в ту весну порвалась, –

и поясняет:

Слишком много на эту неслабую жилу
было в те времена удалого нажиму...

А можно ли говорить о лени человека из тех, «кто знал себе цену, кто в удаче на свой лишь хребет уповал»? В пору, когда уже шел слух об организации колхозов, отец строит хлев, новый овин, не боясь, как

¹ Якушин Н. О людях, о земле и хлебе. – «Север», 1966, № 6, с. 153.

многие, что зря – не для себя («Понапрасну, старатель, мол, силушку гроишь, все колхозное будет! – пророчил сосед»). Нет, и перемен не боялся он, полагаясь на свой здравый смысл и опыт: «Коли дело пойдет, я, как старый журавль, не отстану от стаи...». От стаи он не отстал, но через несколько лет уехал из деревни.

С. Викулов ироничен и внутренне полемизирует с расхожими мнениями о причинах ухода крестьян из деревни (лень мужицкая, утрата вековой власти земли и т. д.), образом отца подтверждая свою правоту, разъясняя происходившее. Главная же мысль именно в пояснении и заключается. «Удалой нажим» начался еще в те времена, когда более всего нужна была осторожность, – в период коллективизации...

В поэме Викулова мы видим, как «Кирюха-матрос», который «учился на флоте уговаривать контру», безоговорочно требует: «Чтобы на сто процентов, не меньше! Вот так!» Здесь уже само имя говорящее: и в житейском обиходе, и в литературе давно сложился тип размашистого, безоглядного в своей решительности, даже разухабистости, «Кирюхи».

Точный расчет поэта на ассоциативную активность читателя да три категоричных утверждения в одной краткой фразе Кирюхи, – и создан образ бездумного деятеля, напористого исполнителя чужой воли, который настолько убежден в справедливости приказов сверху, что не хочет и не может понять требований реальной обстановки.

В нескольких строчках поэт набрасывает картину тех бурных событий в деревне:

за полночной сходкою новая сходка.
 Поначалу без баб – так велось искони, –
 а потом, чуть прослышат, бегут и они.
 Соберутся – потеха! Что крику! Что реву!
 А о чем – не опишешь сегодня пером...

Поэт слегка утрирует картину – она воспроизводится как воспоминание человека, давно все это пережившего, когда уже все страхи той поры ушли в прошлое. Ну и что там, подумаешь сейчас, лошадь отдать, корову на общественный двор отвести, или волнение о некогда собственной лошади: «запряжет кто-нибудь не спросясь – и айда!» – теперь-то эти волнения почти забавны нам. Но Викулов помнит, что эти «мелочи» тогда для крестьянина вопросом жизни были.

Нет, не зря «бычились пахари лбами и жгли до рассвета табак», не случайно предостерегали они: «Не распаривши дуги-то гнете». Викулов согласен с ними, когда заключает:

непростая задача: минуя предбанник,
 прямо в баню попасть. Было все-таки так.

Однако в то время этой непростоты задачи многие понять не захотели.

О том же писал Василий Кулемин в поэме «Отец»; правда, он вспоминает себя ребенком и события рисует так, как виделись ему, мальчику.

«Что-то вдруг в тебе переменялось, словно бы меня ты разлюбил?..» – замечает мальчишка. Но скоро он понимает, что отцу не до него теперь: «До петухов собранья начались с посулов и угроз. А к чему? Ведь решено заранее, что организуется колхоз...».

Отчетливо ощущается здесь корректировка мальчишеских воспоминаний взрослым человеком. Вопрос о создании колхоза предрешен, вне зависимости от намерений мужиков. Примечательная деталь: уполномоченный Петрович, рабочий из города, убеждая в необходимости решиться на объединение, сравнивает колхоз с большим колесом: «маленькое – крутится на месте, а большое – р-раз! И понесло...». А на дерзкий чей-то вопрос, исполненный чувства собственного достоинства: «Мы-то кто же, спицы в колесе?..» – он «кричал, что кулаки, как волки, кто, мол, ихним голосом запел?» Распространенный в те времена прием...

Впрочем, В. Кулемин не грешит в развертывании характеров – этим во многом определена значительность поэмы. Она «крупна и нова по тем основным вопросам, которые автор переосмысливает в ней по-своему, – писал поэт Д. Ковалев и подчеркивал: – Образ человека нашей деревни в ней значителен и внутренне очень сложен. Его противоречивость и верность земле увидена так, как мог увидеть сам себя советский крестьянин с высот сегодняшнего дня»¹.

Петрович у Кулемина – в самом деле фигура противоречивая. Крутой по характеру, он не лишен человечности. Временами «вспоминал какого-то Ванюшку, говорил, что мается по нем», неровен был в отношении к людям: «Волею неведомой влеком, то мягчел душою в горе нашем, то стучался в душу кулаком».

И последний штрих в его образе. Когда 2 марта 1930 года была опубликована статья «Головокружение от успехов», утром «все узнали: ночью застрелился наш уполномоченный в селе». Смысл поступка неясен, конечно, для ребенка, но читателю приоткрывается напряженная внутренняя жизнь героя, его страдания от сознания невольной ошибки, от вины перед сельчанами. Однако скрытая душевная жизнь не сближала Петровича с людьми: нежелание сверять приказы с реальной жизнью подавляло в нем человеческое.

Викулов, как и Кулемин, подчеркивает ошибочность того, что к голосу мужика не прислушались, это стало серьезной причиной сложностей в колхозном строительстве. И если раньше крестьянин сам перед собой и своей семьей отвечал за общее их семейное благосостояние, то теперь очень многое зависело от руководителя. Он должен был иметь хозяйственный опыт, знания, сметку. Не многие сочетали в себе эти качества.

Такое как раз явление и отмечает С. Викулов в своей поэме. Первым председателем колхоза стал безлошадник Степан. Две-три черточки характера, пристрастий, деловых качеств, прямо названные, да жест – и верный портрет создан:

¹ Ковалев Д. Молодость пришла поздно. – «Москва», 1963, №5, с. 212.



Сергей Викулов



Сергей Викулов



В Вологодском книжном издательстве, 1961 год (слева направо):
С. Викулов, А. Романов, А. Сухарев, И. Тихонов, Л. Фролов, Б. Ромодин



С. С. Орлов, Ю. В. Бондарев, С. В. Викулов, начало 70-х годов



Сергей Викулов. 1975 год

...страсть был какой боевой!
Вел дела неказисто. Зато неустанно
раздувал на планете «пожар мировой».
Говорун был, частоха! Начнет с навозе,
а закончит пожаром... Аж горло сорвет...

Ответственность оказалась Степану не по силам – председателю, помимо всего прочего, нужны еще и хозяйственные способности. (Кстати, Кулемин тоже о своем отце, который был избран председателем у себя в деревне, как бы не нарочно, мимоходом обронил: «Был он раньше мужиком не цепким», – обронил, хотя из этого замечания ни к каким выводам и последствиям не пошел.) Может показаться, что дело только в личных качествах председателя Степана. Но почему руководителем только что в муках родившегося колхоза стал именно он? Да потому, что настоящий хозяин не соглашался с теми же «Кирюхами», раздумывал, колебался...

Припомним еще одно свидетельство – повесть-хронику Сергея Залыгина «На Иртыше». Степан Чаузов – единственный потенциальный руководитель новорожденного колхоза, середняк – оказался высланным за то, что у него есть свое достоинство, свое разумение в разных вопросах (пусть иногда в чем-то и ограниченное, не в этом беда). Другие кандидаты на пост председателя в колхозе села Крутые Луки – или Фофан Ягодка, старательный хозяин, но слишком увлекающийся человек, или Павел Печура – родной брат Степана из викуловской поэмы, только более честный и умный: он понимает свою неспособность руководить общественным хозяйством. Но мужикам безразлично, что их председатель Степан живет не заботой об артельном хозяйстве, а оглядкой на начальство. Примечательно, что, выдавая «громобойную речь» на колхозном празднике, Степан «косил на районного гостя взгляд... И видел, что речью доволен был гость». А кроме этого, ничего и не умел председатель.

Интересен тот факт, что мужики поначалу прощали ему такие качества. Колхоз начинался живо, азартно, с энтузиазмом и верой. Сергей Викулов с увлечением рассказывает о том, как «новья утверждала в деревне законы». Здесь и радость коллективного труда с общей для каждого заинтересованностью и ответственностью («В стенгазете, бывало, такую картину поместят, словно выстрелят в совесть в упор!»), жажда знаний, охватившая всех («за партой рядком с молодайками – дед!»), возможность трудиться каждому («открыты детясли – работайте, жинки!»). Все это позволяет поэту сделать решительный вывод о том; что крестьяне

...не жалели о старом.
Дескать, дружно – не грузно, а порознь – беда!

Народ убедился в преимуществах коллективного труда на деле, поверил, что «беде уже нету дороги назад». Но ведь это только начало, будущее зависело от руководителя. А председатель – «потянет» ли он? Одно замечание довершает его образ:

Интересна перекличка с Викуловым Ярославом Смелякова в одном из поздних его стихотворений. Негромкий, но пронзительно точный образ нашел он для того, чтобы по достоинству оценить подвиг деревни в ту пору, ее безмерный вклад в дело индустриализации страны. «Затишье перед первой пятилеткой» вспоминает Смеляков. Тогда,

Чтоб ей вперед неодолимой быть,
готовилась крестьянская Россия
на голову льняную возложить
большой венок тяжелой индустрии.

Была огромная необходимость строительства, и крестьянин, недавний собственник, нынешний колхозник, отлично понимал это: «с радостью даже ребят провожали... А сыны не жалели себя для страны». Но деревня тем временем пустеет: ведь бывшие крестьянские дети «теперь приезжали в село только летом, чтоб выйти – и грудь наголо, чтобы, пыль подметая штаниной широкой, поразить деревенщину модным фокстротом...». В гору пошли крестьянские дети – простор открыт: и один стал врачом, летчиком – другой, третий – капитаном.

Не чужой и не свой уже в отчем дому...
И стыдятся девчата-доярки ему
протянуть пятерню: не бела, не мягка
и не в меру, к тому же еще, велика.
Да и сверстники, смотришь, пред гостем робеют...

Викулов не только воспроизвел процесс социальных изменений в обществе (явление в целом, безусловно, положительное), но и показал их некоторые отрицательные последствия. Сложилась своеобразная общественная психология, в которой не осталось места для былого уважения к труду на земле, к профессии хлебороба – в новое время другие оказались необходимее. А тут еще над крестьянином жупел «собственника» тяготеет (все ведь «политически грамотные» стали в горожанах!). Поэт вспоминает, как он сам тогда, молодой еще, приезжал, красовался, наплясывая белозерского «ленчика» в церкви и читая стихи, пока еще чужие:

и особенно хлестко
про паспорт серпастый.
Ритм железный скреплял я движеньем руки,
доставал из штанины свой паспорт и хвастал,
хвастал так, что глотали слюну мужики.

В этой сегодняшней, до предела обнаженной откровенности, и горечь, и сочувствие этим мужикам. Да, историю судить трудно, тем более – общественные настроения былого времени. А тогда –

...не все, на беду, понимали вполне,
 что достоин с Героем любым наравне
 встать и тот, кто к земле пуповиной прирос,
 кто великою верою верил в колхоз...
 Верил он,
 хоть ему причитались в излишке
 за работу порой только палочки в книжке...

Василий Кулемин о той поре вспоминает глухо, мимоходом обронив одну горькую по своему содержанию деталь:

...всегда мне нелегко от слов,
 Что отцу из города большого
 Я везу плоды его трудов...

Какова же была стойкость тех, кто оставался «на земле! Вера этих людей в будущее страны, свидетельствует Викулов, доказана десятилетиями тяжелого, иногда и дарового труда. Их усилиями (не менее веско и значительно, чем делами покинувших деревню) укрепилась «железная сталь» России, на них держалась в годину войны. Тогда «суровый оратай... не ныл, не стонал, не искал виноватых, а работал! За сына. За мужа. За брата. Отдавал он войне все, что поле рожало, – до зерна, до куска...».

Так вечно продолжаться не могло. Некоторые горе-руководители попытались переложить свою вину за неправильное руководство деревней на мужика, доказывая его нежелание и неспособность самостоятельно работать на земле. Значит, надо «помочь», заставить! И вот:

Кто картошку едал, все брались мужика
 просвещать, наставлять и толкать под бока.
 И пахать-то его обучали и сеять,
 понукая при этом его, ротозея.

Такое неуважение, которое кое-где проявлялось к трудовому человеку села, отнюдь не способствовало улучшению дел в колхозах. Да и что можно было ожидать от «знатоков» из конторы «Утиль», например, из музея». Разоблачая вред «деятельности» такого рода, С. Викулов беспощаден в своем сарказме. Он добивается цели прямым выявлением несоответствия возможностей «знатоков» тому делу, за которое они берутся, резко протестует против практики нажима, толкачества, которая ни к чему хорошему привести не могла...

Но все же ошибки исправляются не в один день, и рьяному администратору, у которого, кроме начальственного пыла, за душой ничего нет, избавиться от порочных методов руководства непросто. Вот поэтому снова и снова отстаивает С. Викулов ценность труда на земле, достоинство крестьянина. С нарастающей силой страсти он повторяет одну – важнейшую для него! – мысль:

хлебобоб – он же издавна знает:
мать – сырая земля не от сводок рожает –
от любви неизменной!
В ответ на любовь
отдает она людям зеленую кровь!

Эта публицистическая мысль – одна из центральных в поэме. В том, чтобы восстановить хлебобоба в хозяйских правах, пробудить в нем угасшее чувство хозяина земли, дать ему развернуться, видит Сергей Викулов залог и корень перемен...

Поэма густо населена: на сравнительно небольшой объем – более десятка персонажей. Впервые добился С. Викулов, склонный ранее к подробной описательности в изображении героев, такой сжатости и четкости общественно-психологических характеристик. Этого потребовал от поэта замысел: нужно было многое сказать и показать на небольшой площади, нужно было, оставаясь конкретным, привести читателя к общественно-политическим выводам.

Каждый персонаж в поэме поставлен в такие связи, чтобы мог выявиться возможно полнее. Существенна в этом роль контраста, приема, обнажающего в столкновении крайние точки зрения. Позволяя персонажу раскрыться в поступке, поэт дает ему возможность и высказаться, а к случаю – напрямую определяет его, чаще всего народными словечками. Эти приемы создания характера общи почти для всех персонажей. Кроме того, существенна и роль интонации, которая в каждом случае уточняет отношение Викулова к своему персонажу и углубляет наше представление о герое.

Дверь открыла и – ах! И рукой по подолу:
– Да ужель это вы?! – И сама не своя,
привечая гостей, закружилась по дому
Маремьяна Васильевна, тетка моя...

Так С. Викулов впервые представляет читателю колхозницу тетку Маремьяну. Будто слышишь ее напевный голос, видишь ее с этим характерным жестом деревенской женщины («рукой по подолу»), с ее приветливостью и сноровистостью. Одинокая (муж ее Яков умер лет восемь назад, а дети «разлетелись» кто куда), она рада гостям, может быть, особенно потому, что устала от одиночества, не может забыть утраты. Не случайно каждый пустяк в поведении гостя напоминает ей о муже («– Да кури... Сам-то вон как дымил... – И замолкла. И прямо, не мигая, глядела с минуту она...»). Но это вовсе не значит, что перед нами сломленный жизнью, тихий, незаметный человек. Наоборот:

Тетка – баба не промах. Гроза! Кипяток!
По земле – никому ничего не должна –
по-хозяйски ступает сегодня она.
И касается всякое дело ее,
и суждение о деле у тетки свое.

Сначала повторяя, видимо, оценки односельчан, потом высказывая свое мнение, поэт набрасывает общий эскиз характера, а далее дополняет, уточняет.

Скажем, в том, что ей до всего дело есть и обо всем свое мнение, мы убедимся не раз. «В колхозе сей год клевера-то ди-икушшие! – говорит мне она. – А ведь чуть не порушили! Приезжал по весне тут один... енерал...» Ведь какая смена интонаций – радость удовлетворения, сокрушение, ирония, – а и всего-то три кратких фразы. И по ним уже угадывается характер крестьянки.

Или вслушайтесь в слова Маремьяны Васильевны о пенсии, о которой она не хлопочет, хотя и верит в нее: «Писать не могу, неразборчивый почерк. Заслужила – дадут...». Сколько тут чувства собственного достоинства, сознания своей цены! Это подтверждает и авторскую оценку, делает образ женщины-крестьянки завершенным и убедительным.

Самыми впечатляющими стали, однако, образы Якова, старого коммуниста-фронтовика, теперь уже покойного, и Кузьмы, ровесника поэта, товарища его детских игр, ныне бригадира в родной деревне. Это и закономерно – в них нашла наиболее четкое выражение мысль о коренных переменах, наступающих в жизни деревни.

Всего какая-то страничка посвящена образу Якова, но С. Викулову удалось набросать характер подлинно эпической силы. Один из тех, кто даже в самые трудные годы не покинул деревню, не ушел от земли, один из тех, кто прошел фронты Великой Отечественной и «вернулся домой, да израненный весь», он «остатною силушку на кон всю поставил: стонать, мол, велика ли честь!». Это и давало ему право быть прямым, не бояться резких оценок, не мириться с кривдой, а суровая жизнь научила его переживать всякие трудности, даже преследования: «Пусть я, – скажет, бывало, – вызываю огонь на себя. Ничего... Я бывал под огнем!»...

В кратком рассказе тетки Маремьяны о спасении клеверов от ранней потравы, невыгодной для хозяйства, возникает образ одного из последышей «знатоков из конторы «Утиль», требованию которого – скосить клевера – не подчинился Кузьма. А вслушайтесь, как прямо и веско умеет он сказать свое слово, выразительность которого не исчезает даже при передаче: «Если ведает тот, как прямее проехать, пусть садится и правит! Бригаде нужна не красивая сводка – мол грош ей цена».

Поэта восхищает поведение бригадира. Достаточно вспомнить факты засилия толкачей, о каких идет речь и в поэме, чтобы понять глубинный смысл этого поступка Кузьмы. Бригадир понимает, что теперь – «не те времена»...

Кузьма – не «винтик», не безропотный исполнитель навязанной ему кем-то роли. Знающий цену себе и вообще крестьянину, раздумывая об отношениях с руководителями, – а для многих из них «погонялка» еще остается главным средством управления, он с уверенностью

утверждает, что настоящему пахарю понукания не нужны («покудова в землю ни брошено семя, хоть до пояса пусть отрастет борода, пахарь плуга не бросит»). Он и земля – «в узел издревле накрепко связаны оба».

Мысли бригадира выношены, продуманы до конца, потому-то так убежденно он и заявляет: «Трудно, да... Но и радостно это служенье: без упреков, без клятв, без биения в грудь». Вот отчего всякое пустозвонство, должное создать видимость бурной деятельности, раздражает Кузьму:

...А теперь – коли сев, то, конечно, «сраженье»,
коли жатва, то «битва»...
Послушаешь – жуть!
Шуму, треску! Гляди, телефон разорвется...
И приказ, и указ... И еще щелкопер
из газеты...
И все призывают «бороться».
С кем бороться – не ведаю я до сих пор.
Да и некогда, знаешь ли: столько работы!..

Хотя Кузьма и сам смущается этих своих по былым временам так и вовсе невероятных мыслей, но ведь он глубоко прав. Викулов здесь очень тонко отметил действительное отношение колхозника-труженика к ничемному шуму и сам это отношение разделяет (припомним ироническое: «И мчит нас бывалый автобус... Мельтешат на щитах – только глянешь вперед – разноцветные цифры... А мало ли, много означают те цифры, сам черт не поймет...»). Заметим, не только потому, что «пылит, пролетая, машина»). Извечная крестьянская мудрость с очень существенной поправкой сегодняшнего дня чувствуется в рассуждениях Кузьмы, в его словах. И впрямь, не пора ли всем суматошным деятелям, что вокруг поля вертятся, заняться серьезным делом?!

Как видим, размышления Кузьмы выходят уже далеко за околицу родной деревни. И чтобы показать неизмеримые силы такого человека, поэт набрасывает последние, завершающие штрихи. Нам открывается картина сенокоса:

На клеверном поле, у нас на виду,
люди, солнышком залиты, ставят скирду.
И Кузьма среди них.
Вот он, выпрямься, встал.
Вот он запросто граблями небо достал,
двинул по боку тучку и шумную ношу,
подхватив, приподнял и у ног положил.
И опять распрямился...

Глаз поэта с точностью объектива кинокамеры заснял происходящее. Со стороны, снизу так и кажется: человек, стоящий на высокой

скирде, задевает граблями небо. А за первым, зрительным планом ненавязчиво возникает второй, подтекстовый, и все воспринимается как гипербола. Образ Кузьмы вырастает до размеров былинного богатыря. С такими людьми, как Кузьма, связывает С. Викулов свои надежды на будущее деревни, на ее обновление...

II

Поэмой «Письма из деревни» (1976) Сергей Викулов обращается к жизни современной деревни, умея разом захватить широкий комплекс проблем. О них он немало писал в очерках («Вторая целина», «Вокруг избы») и свой взгляд на происходящее в деревне высказал определенно. Ему нет необходимости повторяться и решать сызнова средствами стиха то, что освоено публицистически. «Письма из деревни» интересны прежде всего отчетливо проявленным отношением коренного обитателя деревни к переменам, его точкой зрения. В этом смысле очевидна близость произведения С. Викулова поэме А. Романова «Черный хлеб», при всех различиях в характерах героев, в форме выражения представлений. Сходство в главном – в направленности.

А. Романов имел возможность тематически строить каждую главу («о вечерах», «о войне», «о женитьбе» и т. д.), – форма душевной беседы, которая вьется, как бывает, вокруг одного предмета, на сегодня вдруг взволновавшего и притягивающего новые и новые детали и аналогии, – эта форма открывала возможность всесторонне или, во всяком случае, достаточно широко раскрыть каждую из занимающих поэта проблем.

Напротив, ожидать последовательности изложения того или иного «вопроса» в письме не шибко грамотного пожилого кузнеца вряд ли следует. И прав С. Викулов, когда вполне доверится логике писем, каждое из которых говорит вроде бы сразу обо всем и ни о чем определенно, – зато характер героя являет себя в непосредственной точности. А в целом поэма в письмах создает объемную, завершенную в себе картину деревенской жизни, убедительно открывает представления героя-крестьянина и острое ощущение современности поэтом. Обрамление от авторского «я» попросту помогает понять замысел поэмы, расставляя без нажима последние штрихи. Как видим, композиция поэмы проста и естественно необходима для достижения поставленной С. Викуловым цели.

Простота и одновременно своеобразие замысла поэмы, в какой-то мере новая для Викулова форма изображения и оценки жизни вызвали разноголосицу в критике. Так, Ал. Михайлов, отмечая, что «Письма из деревни» представляют собою «поиски новых возможностей «широкоформатного» охвата жизни современной северной де-

ревни в канун ее грядущего преобразования»¹, однако усомнился в возможностях такой формы, считая сильным в поэме лишь ее лирическое обрамление. Скорее всего, критик рассматривал поэму С. Викулова с точки зрения повествовательного жанра, – на деле же здесь мы имеем нечто иное.

Для эпической поэмы обязателен развернутый сюжет – здесь его нет. В «Письмах...» складывается цельная картина жизни, но не в описательном плане, а через восприятие героя. Нам более важна его оценка жизненных явлений, нежели они сами по себе. Немаловажно и почти полное совпадение позиций поэта и его героя.

Как видим, несмотря на значительную роль элементов эпического в поэме, лирическое начало оказывается в ней ведущим, что хорошо почувствовал поэт Дм. Ковалев. «Сергею Викулову, думается, – писал он, – близка точка зрения, высказанная в свое время А. Твардовским о дальнейшем сближении прозы с поэзией. Он на собственной практике стремится сблизить рассказ со стихотворением, поэму – с повестью. Вот и в данном случае проза как бы вошла в ткань «Писем из деревни» и, оставаясь непринужденно свободной, стала поэзией»².

Главное слово в поэме – за старым кузнецом, который время от времени пишет письма в город родственнику – поэту. К своему герою С. Викулов обратился не впервые, поэт посвятил ему «Песню о друге» – в конце пятидесятих годов и снова через двенадцать лет – «Песню о кузнеце». Жанровое определение «песня» условно в том и другом случае – оно выражало некую неопределенность жанра, незавершенность мысли поэта. Судя по всему, он еще сам тогда не чувствовал права и силы на поэму.

Теперь – иное дело. Поэту нет более нужды усиленно подчеркивать близость: «Мы с тобой и в самом деле много соли вместе съели...» («Песня о друге»). Не только годы и встречи, но и общность забот действительно объединили поэта и его героя. В «Песне о кузнеце» есть уже цельность характера (хотя в свое время, признаться, я поторопился сказать и о «полноте жизни» его; об этом – сейчас уже ясно – дала основания говорить только поэма «Письма из деревни»). В первом случае, полемически заостряя лишь некоторые черты своего героя, С. Викулов рассказывал о нем. Во втором, пользуясь спокойной повествовательной манерой, поэт рисует развернутый образ Ивана Шилова.

Есть в «Песне о кузнеце» картины былого и одна, подробно прописанная в деталях, сцена дней сегодняшних – проводы в армию шестого, последнего сына. Характер главного героя раскрывается в воспоминаниях поэта, который давно знает Ивана, и в собственных словах кузнеца.

В «Письмах из деревни» образ старого крестьянина, кузнеца Ивана Шилова раскрывается во всей своей многогранности. Это человек

¹ Михайлов Ал. Пути и перепутья жанра. – «Литературная газета», 1977, 16 февраля.

² Ковалев Д. Деревенские письма. – «Литературная Россия», 1976, 5 ноября.

большого трудолюбия и недюжинной силы, горячо убежденный в ценности труда на земле, глубоко равнодушный к радостям и бедам села, к его будущему... Задумывается он о жизни, о смысле ее. Гордится кузнец своими трудовыми руками, гордится и сыновьями. Он ощущает себя счастливым человеком и думает о том, как сберечь это счастье – свое и Родины:

Но бывает – маюсь думой, старый:
вдруг да снова... г р я н е т...
Ведь тогда
шестеро Ивановичей встанут,
встанут в строй для ратного труда.
Встанут молодые, стиснув зубы,
зная точно, биться за кого...
Родине, конечно, будет любо.
Ну, а нам-то с маткой каково?

Сам фронтовик, старый кузнец с горечью сознаёт, каких огромных жертв требует война от страны, от каждой семьи; но он верит в своих сыновей и знает, что они до конца будут преданы Родине. И нет в словах Ивана Шилова противопоставления личных, семейных интересов общественному долгу – есть единство разных граней отражения сложной жизненной проблемы...

В «Письмах из деревни» С. Викулов интересно воспользовался правом обратной оценки. Не только он пишет о кузнеце, но и тот высказывается по поводу стихов поэта: «...спасибо, что отметил ты нашу жизнь, как есть она, в газете... По этакой по круче провел у всей России на виду...». Не льстил ведь поэт своему герою, и иной бы ох как обиделся (мало ли таких случаев в литературной жизни), – здесь правда дорога обоим и принимается несуетно, без задней мысли, как она есть. Открытая двусторонность мнений и оценок дает, может быть, неожиданный эффект – укрепление контакта с читателем.

Своего третьего героя – читателя – Сергей Викулов вводит уже во вступлении, с первых строк. Представляясь одновременно ему и сам, поэт говорит о своих родовых корнях. Невольно снова вспоминаются слова А. Твардовского, которые теперь уже осознаются как закон жизни и судьбы многих и многих: «Мы все, почти что поголовно, оттуда люди, от земли...». Как этот закон правит человеком в обыденности жизни, и показывает С. Викулов в своей поэме.

Всем нам в назначенные сроки,
в урочный час, в счастливый день
приходят письма из далеких,
больших и малых деревень.
Всем, кто рождением оттуда,
кто от земли свой начал путь,

всем, у кого еще покуда
есть там, в деревне, кто-нибудь;
чей дом пока под крышей низкой
помалу дышит, не забит;
кто не забыл родных и близких
и сам ответно не забыт.
А кто забыл – к чему упреки?
Бог, так сказать, ему судья...

Вдруг, неожиданно начинают восприниматься эти строчки как прямое обращение: «Всем... Всем... Всем...» К вероятным своим читателям обращается С. Викулов, намечая, условно говоря, линии взаимопонимания.

Поэт надеется прежде всего на понимание тех, кто сохранил живые связи с деревней, – немало их, кто рвется на родину, в деревню (говорят: «Домой!» – хотя десятилетиями живут по городам), не пугаясь утомительной езды «на перекладных»:

Сначала поездом полсуток,
потом «Ракетой» три часа,
да от райцентра на попутной;
через поля, через леса,
часок – с горушки на горушку, -
коль сухо, коль не замело...
И все!

Хорошо стремиться в родные края, когда знаешь, что дожидается тебя там самый близкий человек; но, признается поэт, «нет уж матери на свете. И дома отчего давно нет у меня. Мне в душу светит теперь лишь дядькино окно...» Родовые корни вымораживает время, но постоянной оказывается привязанность к деревне.

С. Викулов ведет доверительный разговор со своим читателем и открытен в своих привязанностях и симпатиях. «Пройтись с косой по зорьке ранней, сварить уху на берегу» ему желанно до сих пор, тоска по деревне не умирает, потому и письма так отрадны.

Они приходят, хоть не часто:
и месяц нет порой, и два...
Тем долше в сердце мне стучатся
простые
писем тех слова.

Из разрозненных, как бы случайных сообщений в поэме складывается развернутая, цельная и впечатляющая картина деревенской жизни в наши дни. Вместе с тем С. Викулов вполне выдерживает форму писем, характерных именно для пожилого человека, неискушенного в премудростях эпистолярного жанра. И начинаются письма с каких-то необязательных обстоятельств, нередко – с разговора о погоде (впрочем, для сельского жителя тема эта не беспредметна), иное даже во-

все без начала – с чего пришлось. И строго обязательного завершения писем искать не надо – нет в них такой выстроенности, да и не должно быть. А вот по обыденной житейской причине закончить послание вполне уместно: «Уже стемнело. Утром надо браться за пчел: они теперь роятся. Зевнул – и нету...».

...Вот они, письма, бесхитростные и непритязательные. И о хворях своих и старухиных сообщит кузнец; об извечном круговороте привычных домашних забот расскажет – жизнь продолжается; о будничных деревенских новостях – ожидании гостей или, например, о смене продавщицы в магазине; о делах колхозных своими соображениями поделится... И то в одном, то в другом тень прошлого вдруг замаячит, а порою – сквозь прозу повседневности – проявится неожиданно облик представимого будущего.

Жизнь человека «Письма из деревни» открывают в неразрывной цепи неостановимого времени, образ которого просматривается в поэме на разных уровнях: житейское время – как сменяемость крестьянских работ неизменно повторяющегося из века в век годового цикла; время личной биографии героя как отражение истории страны; наконец, время как текучесть сиюминутных перемен, в которых рождается день завтрашний...

И на любом временном уровне властвует сельский труд с его уже привычной, неизбежной непрерывностью:

Считают: если пенсию оформил –
одна тебе работа – домино!
А у меня и ныне дел по горло:
одно не кончил – новое подперло,
на зорьке начал – глядь, уже темно!..

Движение времени отражается в поэме многомерно. Вот, скажем, весна рисуется в приметах пейзажа («...сжигает ветер вешний на нивах посиневшие снега», «...скворцы поют утрами на скворечне») и быта («В заулках, по сравнению с зимой, заметно поубавилось поленниц...»); и в труде в свой черед приходят сезонные заботы: «Подвозят ко дворам в бригаде здешней на тракторах последние стога».

Свои заботы наваливаются с весною и на стариковы плечи: хочется и на озеро сбегать с утра пораньше, на пирог леща из озера достать, а там надо подкормить пчел и улы в огород выставить, натаскать торфу на грядки, картошку посадить – и обязательно «из-под лопатки» (уважающий себя хозяин «под пласт» не сажает). Действительно, весной – «все в кучу, разом».

С надеждой на подмогу ожидает старик гостей из города на эту пору: «Ну, правда, обещаются ребята на выходные. Лишняя лопата не помешает: пусть приедут, пусть!» Пусть, мол, и они погнутся на грядках, думается старику; только такие надежды не всегда оправдываются: чаще «гости» в деревню приезжают, по моим ежегодным наблюдениям, когда сено застоговано (позагорать и рыбу половить), когда кар-

тошка выкопана (сходить за грибами и прихватить с собой в город мешок-другой картошки)... Так-то.

Пора, когда сенокос с уборкой урожая сходится, дает новые наблюдения, и опять – выводы и суждения.

У нас ведь, сколько б ни было косилок,
а без косы никак не обойтись:
иные сенокосы залесило,
а на других – травища в рост, а сыро –
на тракторе попробуй покрутись!

А людей, которые бы с косой могли пройтись и копны к стогу поднести по болоту, не хватает. «Ведь у нас людей-то, парень, не прибывает, а наоборот», – замечает Иван. Малолюдье скажется и на уборке: зерно из-за погоды то мокнет, то осыпается, – комбайны не в силах сохранить урожай.

Потерь не было, когда жали хлеба вручную, досушивая в зародах, потом обмолачивая, – так что же, к старому пятиться? Нет, «...не может быть к серпу возврата» – в этом старый кузнец убежден. Однако, раз так, должен город дать такую технику селу, чтоб она обеспечивала качественную обработку и уборку полей. Конечно же, старик прав в своих требованиях.

Особые заботы и тревоги приносит осень. Неустойчивая погода, конечно... Но главное – недобросовестность и равнодушие людей: «...рожь поспела, ломается... вовсю течет зерно... Но никому-то, смотришь, нету дела до этой ржи... Хотя б совсем сгорела – хлеб в магазине будет все равно!» А какая осень стоит:

Чуть ступишь в лес – и ахнешь: неба просинь
да золото берез слепят глаза!
А по чащобам грузди – что те блюдца!
Волнушки – шляпки в двадцать пять колец!
Все пропадает – некому нагнуться,
вот утренник ударит – и конец.
А клюквы на болоте, а брусники...

Осень деревенские нужды обнажает с особой яркостью: не только хлеба некому своевременно убирать, но и грибы с ягодами остаются... А там и новые заботы подкатывают к крестьянину с заморозками:

...до снега заготовили дровец.
Ванюшка трои тракторные сани
припер. Пилили с бабкой лично сами.
Сложили... Все в порядке, наконец.
Потом, опять на тракторе, из лога
по снегу вывезли стожок.
На эти дни случился, слава богу,
наш младший из Череповца, Серега,
а нет бы... В общем, здорово помог.

Идет время своим чередом, вовлекая в труды всех деревенских жителей, – на каждый сезон приходится свои заботы.

Но проблемы сельские связаны, понятно, не только с трудом на земле. И все перемены, все радости и беды, события даже незначительные не оставляют безразличным старого викуловского героя.

Суждения старого деревенского кузнеца касаются многих явлений жизни и вовсе не замыкаются деревенской околицей. В каждом из них есть своя целесообразность, самобытность взгляда и единство нравственной оценки. Вдумаемся лишь в некоторые из мнений Ивана Шилова.

Он уверен, что при хороших условиях труда да при старании и на северных землях многое можно выращивать. И вот аргумент. Пригляделся он к садовым участкам возле города и удивился: «Сказалась все ж крестьянская закваска, нашла-таки отдушину душа», – тут тебе и овощи, и ягоды...

Посмотришь – ахнешь: что земля-то может!
Да если бы и в поле каждый клин
вот так же был обласкан и ухожен, –
уверен, что теперь и наш бы тоже
не пустовал бы, парень, магазин!..

Зайдет ли речь об охоте, старый кузнец, зная минуты страстного ожидания на тетеревином току, с горьким недоумением осудит горехотников, которые бьют птицу прямо из машины чуть не в упор. «До сих пор он, тетерев, машины не боится», – замечает старик, – значит, птица перед стрелком на колесах совершенно беззащитна. А и так уж ей лесов мало остается, –повырублены, удобрениями химическими отравлены: сваливают в поля и вносят в почву их часто как придется, не соблюдая норм охраны окружающей среды. В этих сетованиях, надо признать, немало правды.

Рассказывая в письме о том, что весной засуха прижала яровые, потом рожь в цвету побилло заморозками, старый Иван с горьким юмором резюмирует: «...не в зад природа нас, так в рыло нещадно лупит!.. Дивные дела!» Он серьезно доискивается ответов на вопросы, что «подкидывает» жизнь. Размышляя о том, что погода стала капризной, неустойчивой, он переходит к мысли о долге человека перед природой, о бережном к ней отношении:

Мы только замечаем, что она
и норовистой стала, и беднее...
А впрочем-то, и наша перед нею
есть, думаю, немалая вина.
Болота осушаем без разбора,
лес рубим, будто шерсть с овцы стрижем.
И вот – мелеют реки и озера...
Нет, надо поубавить бы задора

и нам. И мы ее не бережем,
природу-то: сознания маловато...
А техника – хоть гору свороти –
у нас в руках!..

Любое событие ведет викуловского героя к определенным умозаключениям и выводам, наводит на воспоминания и сопоставления. Вот в кои-то веки побывал Иван в гостях у сестры в недалекой деревне Перкино по случаю призыва ее внука в армию. «Ну, свиделись с сеструхой, потужили, когда успели столько, мол, прожить?» – у него-то у самого сыновья уже отслужили. Идет время, и не зря сестра пеняет:

«Совсем забыл. Ко мне все не дорога...
И дети – тоже: встретятся у гроба
ужо... И остальная вся родня...»

Почему же Иван не бывал в Перкине четыре года? «А просто потому, что у народа теперь гоститься не заведено». Как замечает старик, «теперь, вишь, где сбежались – тут и праздник», – всех на свой устав не переиначишь, да и сам, пожалуй, станешь жить, как все. И остаются только воспоминания о былом родовом общении.

А раньше ждали праздничного дня
и взрослые и дети – худо разве?!
А блюд да разносолов сколько разных
готовили! Съезжалась вся родня!
Чтоб свидеться, чтоб в буднях не утратить
родства – беда и радость пополам!
И дети тут, и кумушки, и сватья...

Собирались на пиво («хмель и солод у каждого водились про запас»), – не ради пьянства; умели и общению радоваться: «а в застолье – песни непременно, а также пляска...» – вспоминает старый Иван. Их невольно припомнишь, старые песни, если новые кузнецу не по душе. Послушал он, послушал песню призывников да и подошел: «Больно уж не здешний мотив, прошу прощения, у ней...». Не обидели ребята старика, но понять не захотели (старый, мол, ему не до магнитофона), да и трудно им понять его глубокую большую мысль – не часто приходится им об этом слышать:

«Да, старый я. Но я, ребята, с т а р ы й
с о л д а т еще, позвольте доложить.
И грустно мне – ведь вы не за амбары
с девчонками – под эти тары-бары.
Отчизне отправляетесь служить!
Не та у песни вашей, парни. нота!
Не такими знали нас враги...»

К подобным суждениям Ивана Шилова есть резон прислушаться – в них убеждения, подтвержденные долгой жизнью, трудовым и боевым опытом. Тут невольно и на другие, как бы попутные замечания старого кузнеца обратишь внимание.

Вот в одном случае старик иронизирует: «Из каждого окошка: «Шайбу! Шайбу!» – несется, заглушая лай собак...». В другой раз, сообщив своему адресату-поэту, что журнала «Москва» с поэмой «Песня о кузнеце» он не нашел, Шилов добавляет: «...как почтарь ответил, такого в целом нашем сельсовете никто в глаза отроду не видал...». Неплохое, конечно, дело телевизор, но ежели он собой всю культуру олицетворяет, то это уже худо. И может быть, небезосновательно Иван Васильевич жалеет об утрате старых форм культуры на селе?..

Мнения Шилова обо всем интересны и важны, но пора вдуматься, что говорит герой С. Викулова о самом главном для тех дней в деревне.

Доводы старого кузнеца против сселения деревень, надо признать, поначалу не очень основательны, более того, даже противоречивы.

...Нет, ты, наверно, поприбавил...
К тому ж у нас, писал я, новый клуб
почти готов... А ты – переселенье!
Покрашены и стены, и полы,
и занавес повешен... К сожаленью,
не ладится чего-то с отопленьем:
как будто завезли не те котлы...

Ну верно, что и некому, пожалуй,
ходить в тот клуб уж... Строили пока –
кто помоложе – в город убежали,
а новых бабки – вишь, не нарожали
(прости за эту шутку старика).

Семь ребятишек на три класса в школе.
А было, знаешь, по десять в одном!..

В самом деле, как тут не сселять деревни, если в клуб ходить некому, если школа пустует... Все это понимает старик, но он-то бы предпочел видеть свою деревню в несколько посадов, клуб в ней многолюдным и школу полной ребятни. Самый же главный, действительно серьезный его аргумент – трудности с обработкой земли, возникающие при сселении:

Деревни-то не так уж трудно в кучу
стащить зараз куда-нибудь на кручу...
А ты попробуй землю сволочи!

Не за лесом она, так за болотом,
за озером нередко, за рекой...
Вот будет председателям заботы

весной ее, родную, обработать,
когда туда дороги никакой.

Ревнивая она необычайно,
земля-то наша! Любит, чтоб мужик
под боком был... А нет – так заскучает,
поддастся лесу живо, одичает,
да так, что не отыщешь и межи!..

Наверное, кое-кто отмахнется от подобных высказываний, увидев в них лишь стариковское брюзжание. Нового времени, мол, не понимает. Однако, нет, не стоит отмахиваться! Старик сознает, что на Кубани с ее просторами – «иное дело», а тут, на Севере... Прав старый деревенский житель: трудно сохранить землю в большом отдалении от жилья.

Земля щедро платит добром за заботу, но не прощает ошибок. Недаром сетует Иван Шилов: ведь в результате различных «экспериментов» площадь пашни на Вологодчине стала значительно меньше, чем даже в 1940 году. На огромных фермах скоту нередко не хватает кормов, а дальние покосы не выкашиваются, зарастают лесом. Культурные пастбища в течение десятилетий остаются кое-где только предметом разговоров, а строящиеся комплексы часто не имеют необходимой кормовой базы...

Заботой о завтрашнем дне деревни проникнуты все письма Ивана Шилова, о чем бы он ни писал. Разумеется, Сергей Викулов не рассчитывает, что каждое слово его героя будет принято как программа действий. Но чтобы не допустить повторения ошибок, стоит прислушаться к мнениям старого сельского труженика – за ними сила жизненного опыта и непосредственной близости к земле. Самого С. Викулова издавна волнует эта забота, и мнение народное, которое выражает Иван Васильевич Шилов, поэту особенно дорого.

Все на свете интересно старому кузнецу, до всего есть дело, обо всем – свое разумение, и высказывается оно в письмах к земляку-поэту с полной откровенностью. Из соображений Шилова по различным поводам складывается проблемное содержание поэмы, а характер его становится тем центром, который организует произведение. Поэтому естественно, что именно образ главного героя поэмы привлек особое внимание критики. «Неординарность натуры Ивана Васильевича определяется пронзившим все его существо чувством хозяина своей колхозной земли», – полагает М. Числов и подчеркивает, что в письмах старый кузнец «как бы между прочим высказывает свое отношение к серьезным и важным проблемам сегодняшнего времени»¹. Относительно «неординарности» героя я, пожалуй, не очень склонен согласиться с критиком: Иван Шилов – современный крестьянин, каких много. Типичность героя – большая удача С. Викулова, а то, что он может показаться неординарным, необычным, говорит лишь о неистраченных

¹ Числов М. Движение жанра. – «Правда», 1977, 14 апреля.

возможностях русского крестьянства. А вот особенность композиции поэмы, неназойливое проявление проблематики М. Числов уловил очень верно.

Развивая ту же самую мысль, В. Дементьев существенно дополняет ее, отмечая органическое взаимопроникновение идейного, психологического и бытового начал в поэме. Он пишет: «...мимоходом оброненные замечания побуждают читателя к серьезным размышлениям, и наоборот: как бы ни была серьезна та или иная социально-бытовая проблема, речь героя не превращается в комментарий к этой проблеме, а его характер – в иллюстрацию к ней. Нет, дядька живет полнокровной своей жизнью, в которой случайное и существенное переплетается, создает как бы единый поток человеческого бытия»¹. В этом прежде всего мнение народное обретает полнозвучное значение художественной правды.

В немногих словах говорит Сергей Викулов о своем герое Иване Васильевиче Шиллове, но за ними – большая жизнь, отражающая в самом существенном и жизнь страны. У дядьки – «все есть»: о том, что у него шестеро сыновей, мы знаем еще из поэмы «Песня о кузнеце», а кроме того, «десять с той войны ранений» и «специальностей – не счесть!». Здесь уже четко намечена и биография как реальное содержание жизни (не просто безликие анкетные данные), и характер.

Попал, скажем, старик в больницу – «из-за пустяка», по его словам. Что за пустяк (впрочем, мало ли хворей у стариков)? Ан, «открылась снова рана... На костылях не двадцать ли два дня скакал...» – фронтовое прошлое дает себя знать. Иван Васильевич «давно уж не у горна», однако без дела не сидит. Кузнец, столяр, печник, пчеловод – он «всем нужен до зарезу», даже зимой – гнет салазки, делает к лету заготовки для граблей, рамы да сети вяжет...

Под стать Ивану и жена его Елена, трудовой подвиг которой дано понять нам, так сказать, по косвенным деталям. «Елена лечит руки, – сообщает старик в одном из писем. – Ей уколы назначили. И ванны. И массаж...». Сами старики понимают, разумеется, откуда хвори идут, и это мы уловим в скупых словах старого кузнеца: «Что делать: пооббили мы подковы, исхрястались донельзя, бестолковы... И то: нелегко был возок-то наш!».

Не от жадности, не от стремления к заработку «исхрястались» старики: долго только за «палочки в книжке» работали они, сознавая необходимость своего, по сути безвозмездного труда. Теперь то это и понять почти невозможно, особенно молодым. Даже в словах старого Ивана ироническое «бестолковы» проскочило, – но нет здесь переоценки ценностей, как нет и желаний пожаловаться на судьбу.

Как и у всех, сыновья стариков разъехались по городам и «навещают только летом – с детьми и женами». Иван Васильевич понимает это

¹ Дементьев В. Исповедь земли. М., 1980, с. 436.

как должное, однако сам торопиться вслед за суматошным веком не желает. «Я лично ни в Архипово, ни в город не собираюсь... Я надеюсь тут дожить свой век!» – упрямо заявляет он. «Я от земли, от дел моих привычных свободы не хотел и не хочу!» – пишет старый кузнец в одном из своих писем.

И дело не только в том, что вечная «неволя» у земли дает средства к существованию. Пройтись меж гряд, радуясь буйной зелени, полюбоваться деловито снующими пчелами, сорвать молодой огурец – есть в этом для сельского человека неизъяснимая прелесть.

Да мало ль чем она еще одарит,
земля! Особо летнею порой.
Чего вовек не купишь на базаре,
тем паче в магазине... Так что, парень,
мне счастье трехэтажное не строй.

Старик вполне доволен своей жизнью: «А пенсию я нынче получаю побольше бабки – семьдесят рублей! Как инвалид... Уважили солдата!» Он рад признанию своих боевых и трудовых заслуг. При этом благополучие не рождает в нем жадности. Успокаивая знакомого фронтовика-инвалида, что вместо «Москвича» получил мотоколяску, он и тут находит резон для удовлетворенности: «Мотоколяска ж – легкая, как птичка, хоть в лес ужо, хоть к озеру на ней!» – тогда как «Москвичу» хорошая дорога нужна. Жажды обладания дорогими вещами нет у старого кузнеца.

К жизни он привык относиться вдумчиво, со спокойным юмором. «Живем да хлеб жуем», – традиционным присловьем оговаривается он по поводу непримечательной обыденности своей жизни. Иронизирует он и над своими хворобами: «Обошлось покуда: как барана, на этот раз не резали меня», – говорит он с грубоватой шуткой о давнишней ране и болезни.

Легкое отношение к труду и деньгам возмущает старика, хотя он искренне рад, что люди стали жить лучше. За рубль они уже работать не пойдут, «а рубль-то – семь буханок хлеба, брат!» – кузнец еще помнит старую меру ценностей, но что она значит для нынешних... «Теперь и в сенокос выходят в восемь, а в пять уж загревают самовар», – отмечает старик. Он-то помнит, как с вечера приходилось крутить тяжелые жернова, чтоб напечь хлеба, а в пять утра уже на покос бежали, пока роса. Молодое поколение не очень вспоминает о былом:

Забыли, черти, как в нужде-печали,
когда уже закончилась война,
всего по двести граммов получали,
и то неполноценного зерна!

А и тогда надо было вырастить детей, выкормить и обусть-одеть, когда магазины были пусты и бабы волей-неволей «на рубахи и штанишки

перешивали платья прежних лет». Конечно, Иван Васильевич о старом не жалеет и понимает недоверие молодых к рассказам о трудном былом.

...я теперь уже
и сам не верю: к новому привык.

Не верю, что в избе еще лучина
тогда светила мне по вечерам,
что я – уже не мальчик, а мужчина –
когда-то удивлялся тракторам.

Свою жизнь старый кузнец считает счастливо прожитой, несмотря на все трудности и беды, и верит, что новое поколение будет еще счастливей.

Кузнеца Ивана Шилова и заботы, его волнующие, мы узнали так, будто всем нам он свой, родной человек. Горячая заинтересованность С. Викулова в делах и судьбах деревни, духовная близость со своим героем и уверенное мастерство поэта обеспечили его успех. Важна здесь проблематика поэмы, отбор материала и язык – «естественность слова, цвета, жеста»: М. Горбунов отмечает, что это качество, свойственное вообще творчеству С. Викулова, сполна проявилось и в поэме «Письма из деревни», которая представляет собой «прекрасный образец «аранжировки» своеобразной, народной, именно – вологодской, причем современной речи, и еще и этим достигается художественная подлинность повествования»¹. Разумеется, речевая «аранжировка» – лишь один из способов поэтического решения творческой задачи С. Викуловым, овладевшим цельной системой художественных приемов.

Автору удалось достигнуть и пластического единства речи (писем) героя – старого крестьянина, и поэта – нашего современника. И хотя С. Викулов не часто высказывается «от себя», роль непосредственного авторского слова в поэме очень значительна. Так, поэт берет себе слово в заключительной части – «Письме в деревню». Листая письма, он представляет родную избу, в поле кузницу с прогнившей крышей, а возле нее никому теперь не нужные «тележные колеса и станок дляковки лошадей». Видит он гору Высокую и лес окрест, и на этом фоне – деревенька. «Боже, до чего ж она мала!» – в который раз сокрушается поэт, помня, какой многолюдной деревня была когда-то. А теперь...

Реденько стоят ее посадки,
если не пусты – полупусты,
реденько, как воинов отряды
возле штурмом взятой высоты.
Скоро уж конец и им, бедовым...

¹ Горбунов М. Постоянство любви и тревоги. – Москва, 1978, №8, с. 208.

Обращаясь к своему герою со словом благодарности и признания, С. Викулов подчеркивает, что «не забавы ради» он «пустить решился по рукам» его письма, – пусть над ними подумают земляки, да и другие люди, пусть они сами определяют, в чем прав старый кузнец, в чем не прав. Но даже в чем-то, может быть, и ошибаясь, старый кузнец глядит все же не во вчерашний, а в завтрашний день, думает и заботится о будущем села.

В «Письмах из деревни» с законченной полнотой и большой художественной выразительностью воссоздан быт русской деревни на новом этапе ее развития, взискательно и всесторонне исследованы насущные проблемы, которые надо решить, чтобы двигаться вперед... Дело свое – с полным правом мы можем сказать «историческое дело» – Иван Васильевич Шилов исполнил до конца с высоким достоинством и сознанием долга, с какими бы оговорками мы ни судили об этом герое. Кто же следующий, кто станет наследовать дела и традиции старого крестьянина-колхозника?..

Этой проблеме посвящает С. Викулов поэму «Остался в поле след». Герой, о котором прежде он лишь попутно упоминал, занимает здесь центральное место. Снова обращается поэт к испытанному жанру повести в стихах, но это не повторение пройденного, не использование отработанных приемов. Поиск новых художественных решений определяется уже тем, что новая повесть вовсе не «деревенская», а, так сказать, городская.

Свою поэму С. Викулов строит как ряд эпизодов из жизни Григория Дворова. Характер героя не прорисован с полной отчетливостью; в нем гораздо определеннее черты некоей всеобщности, нежели свойства индивидуальные. И некоторой обобщенностью отмечены рассказы о его жизни – такое бывало со многими людьми, схожими с Григорием по судьбе. Так заявляется в поэме типичность героя.

Главный герой поэмы С. Викулова Григорий Дворов – городской рабочий, и все-таки деревня остается здесь в центре внимания поэта как некий идеал образа жизни. Нет, не всеобщий вовсе идеал, но жизненно необходимый для людей типа Григория Дворова, некогда оставивших деревню, нашедших в городе место и специальность, создавших семью, но тоскующих по деревне, стремящихся к ней и не способных принять решения, казалось бы, столь легко достижимого.

Чего уж проще – увольясь с завода, пиши заявление на работу в совхоз. Тем более и у матери в далекой деревне, и у тещи в недалеком селе сохранились свои избы – живи и работай. Ведь там, в обезлюдевших краях, так нужны крепкие рабочие руки и добротная квалификация. За чем же дело?!

Судьба человека не есть некое абстрактное понятие, но определяется конкретными обстоятельствами, и хотя характеры людей индивидуальны, судьбы многих складываются стереотипно, задавая тем

самым и типичность характеров. Контекст судьбы своего героя, если так можно выразиться, Сергей Викулов намечает уже во вступлении к поэме.

В крае, «не слышавшем звона отроду, кроме звона кос», вырос металлургический завод и начал работать так, что «в дальних деревушках и селах пели сквозняки». И началось передвижение народа:

...ярой силой
тех ветродуев, что ни день,
сносило к городу, сносило
людей из сел и деревень.

Страхнуло людей с насиженных мест, «заводу – ясно, что на радость, а деревушкам на беду», – но в этом видит поэт не столько противостояние, сколько связь города и села. Она уловлена в своем значении четкой поэтической формулой: «тот город, обликом железный, нрав все ж имеет полевой». Оба некогда в поэзии контрастирующие определения (С. Есенин) объединились для выявления сущности современного города.

Понятно, находит она выражение в характерах обитателей города и их деятельности. Влекомые силой родовой памяти, они по выходным дням еще до зорьки «мчатся шало во все концы» – по деревням, где еще живут их близкие, а порою – уже к родному пепелищу. Заботы их в деревне не только личные, – туда ведет их зачастую и общественная необходимость.

Посмотришь: там они тропинкой
в леса, что издавна любы,
бегут по ягоды с корзинкой
иль с кузовочком по грибы.

А там монтируют бригадой
автопоилки... А пошлют –
и косят («Надо – значит надо!»),
и жнут, и пашут, и куют.

В чубах их – стружка и солома
и зерна теплые в горстях...

Хохочут (с детства все знакомо!)
и забывают, что не дома
они...
Не дома, а в гостях.

Да, «дома» и «в гостях» – тут есть заметная разница. Настолько заметная, что определяет собою иногда и мироощущение, и всю жизнь иного человека.

Таким человеком и является главный герой поэмы Сергея Вику-

лова Григорий Дворов. Его легко представить себе повзрослевшим, возмужавшим Степаном Завьяловым из ранней поэмы Викулова «В метель». Как и он, Григорий «пришел из армии – и в город, на град общественных укоров махнул решительно рукой». Нашел он в городе работу, женился, получил комнатушку в общежитии молодых, обзавелся двумя детьми, которые пристроены в детсаде.

Жизнь вроде бы наладилась, но Григорий Дворов так и остался «лишь по званию городской», и это обстоятельство С. Викулов подчеркивает в самом начале поэмы, отмечая, что у его героя «болит деревнею душа». Не о том ли когда-то предупреждал поэт Степана Завьялова поэмой «В метель»:

...заманчивый город,
тот, куда тебя тянет,
домом станет не скоро
или вовсе не станет.
Будешь ты у буфетов
пиво пить городское,
деревенское лето
вспоминая с тоскою.
И сухие мозоли
на руках ковыряя,
вспомнишь скирды на поле
заозерного края,
вспомнишь волн перекаты,
спор гармоник задорных...

Вот так и Григория Дворова «не радуют, как мужика, ни стадион, ни кружка пива в толкучке общей у ларька», ни мебельный гарнитур, ни дачка, – и «все веселье городское ему – что есть оно, что нет». У него другие радости:

Как хорошо сбежать с крылечка
в час предрассветный,
с кузовком,
когда еще в тумане речка
и ни одна в округе печка
еще не пыхнула дымком.

Сбежать – и к лесу, вдоль осека,
услышав лишь, как в тишине
петух вослед прокукарекал...

Но хотя Григорий «лишь по званию городской», живет он все-таки в городе и за нечастую (по выходным) радость пожить в деревне должен платить тягостной суетой сборов, дорожными мытарствами, неизбывной тоской.

Как же возникла эта тягостная раздвоенность героя С. Викулова и есть ли у него возможность и силы преодолеть ее? Обратимся

к некоторым эпизодам повести и попытаемся выявить вехи судьбы героя.

Григорий Дворов запомнил проводы в армию из родного села после окончания школы и простые слова председателя:

«Служите Родине отважно,
не забывайте свой колхоз!

И возвращайтесь. Ваше место
никто, ребята, не займет.
Вас обещают ждать невесты
и – точно! – будет ждать народ!..»

Памятной стала и традиционная горсть родной земли, дар «особого значения и смысла», врученный матерями в надежде, что земля позовет ребят назад. Но в тот же вечер парень услышал от своей подружки совсем другие слова, обжигающие холодом. «И ты... – она поджала губы, – и ты уверен – позовет она назад?» Парень не допускает и сомнений, однако девушка гнет свое: «А что ты... – Люба перебила, – что будешь делать здесь, герой?» Она полагает, что на всю жизнь – только кабина трактора, – маловато для человека.

У юного Григория еще не остыл восторг проводин, и он красноречиво клянется в привязанности к родному краю. Грай грачиный над весенними полями, проливной дождь над бледным цветом картошки летом, звон колосьев по хедеру и золотистое жнивье ранней осенью – все ему мило и дорого. Но нет, не захватывает пыл юноши его рассудительную подружку: «А я учиться дальше буду...» – она своим решением уже оборвала деревенские корни.

Первая болезненная трещина пролегла в душе юного Григория Дворова.

На службе Григорий тосковал по родине, и отец в письмах подогревал светлое чувство сына. И была потом радость встречи с отчиной, баня с веником, застолье, выходы на охоту, отрадные хлопоты по ремонту избы, изгороди... И была тоска по девушке, которая уже не вернется в деревню... В правление Григорий пошел, хотя привычный мир несколько померк в его глазах. Свободной машины для молодого механизатора, как часто водится, тоже не оказалось.

Пришлось Дворову работать в мастерской, каждый день за восемь километров «тащиться вдрызг разбитым трактом». Удивительно ли, что те дни «ему запомнились особо... и погодой невеселой и беспросветно тоской». В душе прибавилась еще одна трещина. И когда по весне пришло письмо от друга-однополчанина, в котором тот рисовал прелести городской жизни, Григорий «день-два поколебался – и полетел на зов дружка...». Этот грустный финал стал началом нового этапа в жизни Дворова. Тоска настигает Григория и в городе; только на побывке в деревне он сознает свою жизнь наполненной и осмыс-

ленной. Вот он вышел за грибами, и Сергей Викулов сочно, многокрасочно живописует щедрое изобилие леса, будто завлекая туда читателя вслед за героем:

А справа, слева – «Ну картина!» –
грибы! Да не по одному,
а, в самом деле, коллективом
навстречу топали к нему.

Григорий ахнул: «Ну народец!
Ну пошехонцы! Ну орда!
Да вы кого-то ждали вроде?
И потому сошлись сюда,
на эту старую дорогу?
Но стой! Куда она ведет?
Или вела?..»

Не меньший восторг вызывает встреча с лесным озером, полным испуганой рыбы; но удручает мертвенно тихая, обезлюдевшая деревня на прекрасном берегу. Напоминает она Григорию и родную дальнюю деревню, – ее судьба, наверно, будет такой же... Но вернулся ли бы на родную сельщину Григорий Дворов? – он сам задается этим вопросом и отвечает, хотя и с некоторым сомнением, утвердительно: «А что! Пожалуй, был бы рад...».

А между тем возвращается Дворов на «Метеоре» в город – так ездят тысячи череповчан в Шекснинский, Кирилловский, Белозерский районы. Григорию, как гостю, коротки два дня в деревне, и удивительно ли, что «в душе не память, а поминки», и героем овладевает печаль. Завидует он тем, «кому сейчас ни плыть, ни ехать совсем не надо никуда», а тут снова утомительная возня переезда с детьми и узлами. И «Метеор» – «чудо-птица» из пластика, стекла и металла – ведь, казалось бы, какое удобство! – не радует Григория.

...он курил и, горбя спину,
с тоской бросал на берег взгляд,
где сердцу милые картины
неслись назад, назад, назад...

Там, на берегах, в одном месте мелиораторы роют траншею, в другом строится животноводческий комплекс... С особой завистью Григорий смотрел на крановщика в белой рубашке, – ведь и он по той же специальности работает на заводе, и ему бы тут, на сельской стройке, место нашлось... «А может, еду я из дома, – мелькнула мысль, – а не домой?» Нет, она вовсе не случайна, эта мысль... Так что же его держит, Григория Дворова, в городе?

Колоритно набрасывает С. Викулов картины быта в «доме молодоженов»; поэт не скупится на детали. На общей кухне, где «пестреют молодости флаги – трусы, пеленки, ползунки», где звучит «то гром свалившегося таза, то рев чьего-то малыша», – там, в тесноте, да не обиде (впрочем,

всякое бывает), молодые женщины склоняются каждая над своей плитой с кастрюлями. Случается, вдруг и незабытая хромка заиграет:

На кухне или в коридоре
она поет, она скулит,
как птица в клетке, у которой
душа по волюшке болит...

Ну а поскольку душа болит, то боль выхода требует, и вот уже кто-то предлагает: «Швырнем по рваненькому в кучу, тем паче – есть чем закусить». Дружно сходятся молодые мужики, стаскивая к общему столу снедь, запасенную в деревне: грузди, соленые огурцы, копченых лещей... И невольно вспоминаются труды на тещином огороде, рыбалка, походы в лес по грибы.

Память деревни тревожит души, но отношение к ней у всех разное, поскольку неодинаковы жизненные цели молодых людей (а многие и вовсе ни о каких целях не помышляют). Одним прельстительно накопить на «Жигули», и вне города своей жизни они уже не представляют. Других, и среди них Григорий Дворов, неудержимо тянет в деревню.

Было бы ошибочно утверждать, что каждый выходец из деревни мучается в ностальгических переживаниях по ней. Ведь работник, самые острые чувства которого направлены помимо его главного жизненного дела, не в силах дать работе максимум того, на что он способен. Наши горожане в огромном большинстве своем – уроженцы деревни, если не в первом, то во втором поколении.

И это они создали мощную индустрию, они занимают заметное место в культуре, образовании и других отраслях. Живя половинчато, двойною жизнью переживаний, они были бы не способны к выполнению своей новой жизненной роли. Следовательно, большинство так или иначе преодолели двойственность своего положения, но не все.

Тех, кто душою остался в деревне, не так уж мало. Их положение и психологический склад заслуживает самого пристального внимания и изучения. Необходимо это хотя бы для того, чтобы найти оптимальные варианты для создания удовлетворяющего их образа жизни, во-первых. Во-вторых, надо иметь в виду, что генофонд деревни в результате переселения в города наиболее жизнеспособной части населения чрезвычайно обеднел.

А пополнить его можно именно за счет мятущихся, в ком сохранились еще крестьянские гены. Они, нереализованные, и не дают прижиться в городе этим людям, мучая неизбывной тоской по деревне.

Тяга в деревню не в силах оборвать житейские цепи, что держат человека в городе, и тоска неизбежна. «Это не смертельно! – успокаивают соседи Григория Дворова. – Тоска, как корь, сама пройдет...». Для многих она и проходит бесследно, и эти многие уже не разделят деревенских тревог, будут скептически судить о деревне и ее обитателях («Да в наши дни, вообще-то, кто живет в деревне? – спросить. Да темные они!»).

почв, особенности растений, влияние погоды и т. д.). Павлу Крутову и передоверяет С. Викулов свои самые дорогие мысли.

...великим, помнишь, п е р е л о м о м
зовет История тот год,
когда пошел мужик отсталый
в артель. В колхоз...
А п е р е л о м -
великий, собственно, иль малый,-
как ни крутись, болит потом.

Припоминая трудности и издержки той далекой поры, бригадир Крутов ведет свою мысль к осознанию современного момента. «Начался новый перелом в деревне, – говорит он. – Малый ли, великий, не знаю... Знаю, что каюк деревне старой...». И против этого деятельный деревенский житель не восстает – его тревожит другое:

Беда не в том, что опустели
деревни... Рано – вот беда!
Ведь вместо них-то, по идее
(они исчезнут без следа),
должны бы встать и в самом деле
пускай не агрогорода
так села новые хотя бы...
Чтоб, как на первой целине,
в них и культура и усадьбы –
все было с веком наравне!

Пока еще до этого далеко...

Деревне необходимы рабочие руки: многие горожане, теряющие себя на асфальте в тоске по деревне, никак не найдут пути назад – из этого противостояния нет стихийного выхода.

Григорий Дворов мог стать новым героем, однако – в силу необоримой жизненной логики – пока не стал. И будет ли?..

Тревожной мыслью о том, как разомкнуть порочный круг, стремлением пробудить своих читателей – бесчисленных Григориев Дворовых, живущих по городам, – пробудить и позвать в деревню, проникнута поэма Сергея Викулова «Остался в поле след», впечатляющая резко и сильно, активная и наступательная по характеру...

На новом для себя материале С. Викулов раскрыл еще одну важнейшую сторону постоянной для своей жизни темы. Активность позиции поэта-гражданина, мысль о служении Родине, о необходимости каждому человеку быть ей полезным в меру сил своих проходит через все поэмы С. Викулова.

«Сергей Викулов», 1983